

В связи с этим под концептом нужно подразумевать смысловое поле, ценностно осмысленное традиционное знание [5, с. 16], поскольку все понятия представления знаний (схемы, сценарии, слоты, пропозиции, в том числе и концепты) выступают по сути «пакетами информации», обеспечивающими необходимую когнитивную обработку стандартных ситуаций [6; 7] или информемами [8].

Характеризуя концепт как представление, связанное с презентационной сущностью общественно-политического дискурса, необходимо согласиться с тем, что в информационный процесс масс-медиа вовлекают концепты в «рекомбинированном смысловом содержании, минимизируя их когнитивную составляющую (содержание концепта, закрепленное в общечеловеческом представлении – сознании) и гиперболизируя их прагматическую (эмотивно-оценочную) сущность в интересах доминирующего ядра социума (власти, институтов власти, культууроформирующих институтов и т. п.)» [3, с. 12].

Следует отметить, что необходимость презентации концептов связана с категорией информативной насыщенности. При этом информативная насыщенность языковой единицы определяется как результат выполнения ею важнейшей функции – кумулятивной, т. е. способности такой единицы содержать в себе целый ряд смысловых компонентов, отражающих тот или иной участок реальности и выполняющих закрепленную за каждым таким компонентом задачу. Заметим, что на основании категории информативной насыщенности формируются лингвистические элементы воздействия – презентемы, базовая функция которых заключается в передаче и фиксации концептов и образов действительности.

В трактовке презентационной теории дискурса важным представляется то, что презентема рассматривается как центральный элемент презентационной структуры дискурса, как мельчайшая информационная единица воздействия, представляющая собой сложный лингвосемиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него.

Типологизация презентем осуществляется на трех основаниях – лингвосемиотическом, семантическом и прагматическом. При этом весь комплекс презентем, представляемый как невербальными знаками (кинестические и проксемические образования), так и вербальными (просодико-фонационные феномены, лексико-семантические кластеры семем, словообразовательные бленды, синтагматические паттерны и конструкции, феномены интертекстуальности, сложные концептуальные образования театрализованного характера), образует презентационную структуру дискурса [3, с. 5].

Таким образом, призма презентационной теории дискурса позволяет осуществить перспективную линию исследования, основанную на пересечении и переплетении коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В теории презентации акцентируется принципиальная необходимость рассматривать дискурс масс-медиа в качестве «аккумулятора» презентем, представляющих собой культурные вехи, принимаемые социумом как доминанты, очерчивающие принятые в том или ином сообществе принципы и представления о мире. Очевидно, что способность общественно-политического дискурса, ориентированного на медийную репрезентацию, функционировать в качестве генератора новых когнитивно-прагматических структур обуславливается тем, что СМИ как основная среда бытования политической информации гибко реагируют на все эволюционные изменения в социуме, трансформируют систему коммуникативных отношений в обществе, выступая тем самым специфическим инструментом приобретения, представления и использования знаний. Неотъемлемым качеством общественно-политического дискурса является презентационность, обусловленная потребностями массово-информационной коммуникации. Презентационность общественно-политического дискурса включает особый механизм общения, вовлекающего специальные вербальные средства воздействия как презентемы, которые транспортируют в дискурс концепты и образы действительности.

Литература

1. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи. – М.: МГУ, 2001.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград, Перемена, 2000.
3. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семантический аспект. Автореф. дисс. ... д-ра филол.н. – Барнаул, 2003.
4. Оленич А. В. Презентационная теория дискурса: Автореф. дисс. ... д-ра филол.н. – Волгоград, 2004.
5. Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. – Волгоград: Перемена, 2003.
6. Найссер У. Познание и реальность. – М.: Прогресс, 1981.
7. Шенк Р. Обработка концептуальной информации – М., 1981.
8. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы. – М.: Наука, 1997.

Забашта Р. В.

ПОНЯТИЕ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЯДРЕ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОГРАФИИ

В лингвистике уже давно утвердилось мнение о том, что существенным признаком лексической системы является семантическая взаимосвязанность ее единиц, и, следовательно, изучение какой-либо части лексикона должно быть направлено на раскрытие этой взаимосвязанности. Многие исследователи, во многом оставаясь верными формально-классификационной научной парадигме, тем самым заведомо сужают область своих результатов. По справедливому замечанию В. А. Звегинцева, «все дело [...] заключается в том, как поступать с наблюдаемыми языковыми фактами, как и для чего их изучать» [3, с. 494]. Отсутствие гносеологического инструментария, позволяющего качественно (то есть исходя из качества, онтологического свойства реалии) определить элементы, части объекта и тем самым упорядочить представления о нем, привело к попыткам смоделировать содержательные закономерности языка, позиционируя субстанцию в качестве системообразующего фактора. Подобное видение стало причиной невозможности объяснения первостепенной зависимости строения (особенно самой подвижной подсистемы номинации) от регулятивной предназначенности естественного языка.

Особый интерес исследователей системности лексики к идеографии в последние десятилетия обусловлен отсутствием в русистике и украинистике тезаурусов, характеризующихся высокой степенью содержательной

эксплицированности семантической системы, и рядом экстралингвистических причин, среди которых прежде всего следует назвать развитие электронных технологий и (как следствие) увеличение объемов информации.

Цель статьи – дать понятие о лексическом ядре исходя из категориального аппарата новой научной дисциплины – функциональной идеографии. Определение масштабов лексической целостности, которая становится объектом описания, представляется исходным методическим шагом. В соответствии с этим проблема выбора конкретной целостности может быть решена с учетом универсальных категорий «единичное – особенное – всеобщее» следующим образом: 1) исследование особенностей значения номинативных единиц на уровне индивидуальной речи (текстовый уровень); 2) исследование функциональных частей (лексических групп) системы (уровень типов, строения языка); 3) исследование содержательных закономерностей языка на метауровне его существования [11; 7]. Обращение к третьему (применительно к лексикографической теории и практике – идеографическому) из названных вариантов предполагает рассмотрение ряда сложных вопросов, без решения которых невозможно описание лексики. Во-первых, проблема объекта описания как конкретной целостности, семантического класса, члены которого выступают в качестве функциональных единиц, характеризующихся некоторыми общими субстанциональными признаками (интегральными семами); во-вторых, определение той части метасистемы, номинативные средства выражения которой является ядерными в структуре языка и значимыми для его носителей; в-третьих, проблема формализации полученных результатов в зависимости от конкретного методического запроса.

Выделение лексического ядра представляет собой одну из наиболее актуальных проблем не только теоретической лингвистики, но и областей применения результатов лингвистических исследований (речь идет прежде всего о проектах по созданию компьютерных баз данных, а также особой отрасли кибернетики по моделированию искусственного интеллекта). Проблема идеографического описания всего Словаря естественного языка (практически необозримое количество словозначений лексического состава, насчитывающего более 300 тысяч слов и выражений в русском языке) заставляет исследователей искать альтернативные способы лексикографирования, среди которых получила свое распространение тенденция по созданию кратких тезаурусов.

Как в отечественной, так и зарубежной лингвистике очень широкий диапазон интерпретаций получили такие термины, как активный словарный запас (*active vocabulary*), лексический минимум, основной словарный фонд, ядерный словарь, ядерные лексемы, центральные элементы языковой системы и др. Представляется необходимым рассмотреть различные концепции лексикографической компрессии, позволяющие получить лексический минимум, и тем самым выяснить, что понимают исследователи под выше указанными терминами.

Понятия лексического ядра и периферии не получили однозначного определения в лингвистике, однако возможным представляется перечислить некоторые общие критерии их разграничения. Среди основных критериев разграничения ядерных и периферийных лексических единиц выделяют следующие: а) ядро лексики свободно используется во всех сферах общения; б) ядро не обладает оттенком архаичности или новизны; в) ядро представлено стилистически нейтральными единицами; г) ядерные единицы обладают развитой системой значений; д) центральные слова достаточно просты по своему морфологическому составу; е) они обладают достаточно широкой сочетаемостью; ж) они обладают высоким словообразовательным потенциалом и некоторые др. [6, с. 77; 14, с. 21]. Примечателен тот факт, что даже такой подробный перечень признаков гипотетически ядерных лексических единиц не дает еще оснований для формирования минимума средств номинации на функционально-семантических основаниях.

Традиционно проблема вычленения лексического минимума поднималась в прикладном аспекте, в частности в теории и практике преподавания языка (как родного, так и иностранного), реже – в аспекте общетеоретическом (например, для изучения истории развития лексического строя). Обращаясь к данной проблеме, И. А. Галуцких подразделяет на пять основных групп подходы к выделению и изучению центральных элементов языковой системы в зависимости от цели исследования и сферы применения: 1) исследования, направленные на решение коммуникативных задач (*Basic English* Чарльза Кея Огдена, проекты в рамках «*world English*», «*nuclear English*» Р. Квирка, «коммуникативное ядро языка» М. Мордиано, М. Стаббс и др.); первоначально идея вычленения лексического ядра связывалась только с необходимостью развития коммуникативной способности у детей (списки слов, состоящие из 850 единиц), однако в дальнейшем подобные исследования стали теоретически обобщаться, что привело к разрешению проблемы лексического ядра путем отбора частотных и общеупотребительных элементов, используемых всеми говорящими на определенном языке и понятных большинству его носителей; 2) лексикографические проекты, результатом которых стало создание целого ряда словарей минимумов (*A Basic English-Shona Dictionary* Д. Дейла (7000 слов), *Definition Vocabulary* М. Уэста (1500 слов), «Лексическая основа русского языка» В. В. Морковкина и др.); главным принципом отбора слов для таких словарей стала частотность их употребления; 3) работы, связанные с выработкой метаязыка лексикографических дефиниций (Р. Картер, А. Вежбицкая, А. А. Залевская, Н. О. Золотова и др.); данное направление связывается как с идеей существования ядерных лексем (А. А. Уфимцева), представляющих собой высокочастотные слова, которые усваиваются в первые годы жизни ребенка, отражают самые емкие понятия, посредством которых устанавливается ассоциативная связь между любыми двумя словами, что и позволяет им играть роль метаязыка словарей, так и с идеей семантических примитивов (А. Вежбицкая), представляющей собой способ формализации значения при помощи предельных смыслов; 4) историко-лингвистические исследования, имеющие своей целью определение единиц, наиболее значимых в аспекте языковой эволюции, причем в английской традиции частотность последовательно отождествляется с устойчивостью; 5) исследования, в рамках которых толкование лексического ядра положено в основу метода глоттохронологии (Моррис Сводеш); ядерными элементами (200 или 100 слов, отобранными по принципу частотности) считаются лексемы, наличие/отсутствие которых в языке свидетельствует об определенном этапе в развитии родственных языков [2, с. 72-73].

Очевиден тот факт, что исследователи, преследуя различные цели вычленения некоего лексического ядра, руководствуются только показателями частотности (статистический метод) и общеупотребительности

(социолингвистические методы). Данные показатели, однако, характеризуют номинативные единицы с точки зрения их функционирования в речи. Об этом говорят сами термины «общеупотребительная лексика» (регулярно употребляемая большинством носителей языка) и «актуальная лексика» (т. е. лексика, необходимая для общения с окружающими в официальной обстановке, в быту, для понимания текстов средней трудности при чтении газет, журналов, для понимания передач по телевидению, радио т.п.) [10, с. 3]. Следовательно, лексика исследуется в аспекте реализации коммуникативной функции, но не номинативной, именуемой функцией, то есть формирование корпуса лексического минимума ведется исходя из примата функционального качества, не объясняющего назначение Словаря как целого (быть средством хранения и выражения идеального знания, «картины мира»), а лишь констатирующей способность его элементов передавать информацию. При этом первостепенная для идеографического описания характеристика единицы по степени принадлежности семантической системе, указание адреса в языковой структуре (системной ценности) по неоправданным причинам не учитывается.

Фундаментальным понятием функциональной идеографии является понятие семантемы – инвариантной семантической единицы, представляющей собой сложное единство сигнификата и средств его выражения (слов и словосочетаний). Именно различное понимание организации лексики, выделение различных единиц и их компонентов, варьирование принципов стратификации объектов изучения приводят к кардинально отличающимся друг от друга результатам. Обращение к вопросу о единице лексической системы (то есть функциональной части, интегрирующей в целостность множество отношений и определяющей существенные закономерности системы) является первоочередным при идеографическом описании, поскольку закономерно определяет те принципы, исходя из которых лексика будет подвергаться анализу и тезаурусному конструированию. Сложность данного вопроса породила множество различных мнений относительно того, что следует признать единицей лексической системы; среди этих мнений, однако, четко прослеживаются два принципиально отличающихся видения:

1) понимание лексической системы как множества слов, вступающих между собой в различного рода отношения (синонимия, антонимия, омонимия, паронимия, гипонимия и т. д.);

2) понимание лексической системы как средства хранения и выражения идеальной (понятийной, ментальной) сферы знаний социалемы.

Первое понимание основано на признании субстанциональности словаря в качестве его организующей силы. В результате анализа некоторых лингвистических подходов к данному пониманию механизмов связи лексических единиц «было установлено, что, несмотря на существующие различия, в их основе лежит два основных принципа. Первый из них базируется на представлении о том, что связь слов осуществляется по линии установления общей, пересекающейся части в их лексических значениях. Второй – предполагает наличие какого-либо элемента, выступающего в роли объединителя некоторой группы слов и являющегося внешним по отношению к ней» [8, с. 39]. При этом обращает на себя внимание основополагающий принцип классификации языковых элементов, в результате которого целостность, определенная а priori быть предметом исследования, «исчезает».

Второе понимание основано на признании функциональности словаря в качестве его организующей силы, а именно: быть средством хранения и выражения коллективного знания, или «картины мира». При таком видении функция целого становится системообразующим фактором. Единицей подсистемы номинации при таком понимании словаря является семантема – инвариантная семантическая единица, представляющая собой сложное единство сигнификата и средств его выражения (слов и словосочетаний).

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае целью выделения лексического ядра становится определение номинативных средств выражения основного социалемного знания, иными словами те единицы, при помощи которых говорящий мог бы описательно продуцировать новые средства именования того денотата, имя для которого отсутствует в его идиолекте (однако при этом он бы находил идентификатор, входящий в лексический минимум, способный задать адрес данной единицы в структуре семантической системы).

Выделение лексического ядра, то есть номинативных элементов в функции экспликаторов семантем, следовательно, должно быть реализовано с учетом системного качества единицы подсистемы номинации: «...ценность семантемы оказывается результатом взаимодействия двух составляющих: с одной стороны, смысловыми парадигматическими, или семно-иерархическими закономерностями строения лексической группы; с другой – коммуникативной значимостью для языкового коллектива» [12, с. 66]. Следует отметить, что исследователи активной части лексикона в основном концентрируют свое внимание на изучении второй стороны Словаря, используя статистические и социолингвистические методы при описании языковых единиц. При этом принцип классификации номинативных единиц по тематическим рубрикам без учета структуры семантической системы приводит по сути дела к «исчезновению» объекта описания как целостности, представляющей итог постижения языковым коллективом определенного фрагмента действительности.

Касаясь проблемы статуса значений слов в семантической структуре языка, Л. А. Новиков отмечает, что значения «неравноценны по своему характеру и содержанию, и задача лингвиста состоит в том, чтобы, опираясь на факты языка, представить эти значения в виде определенной иерархии» [9, с. 536]. Попытки выделить некоторые центральные единицы, формирующие основные подсистемы словаря, можно объяснить тем обстоятельством, что «...связь слов базируется не только на общности их лексических значений, но осуществляется также и за счет ядерных элементов, выступающих в роли объединителей этих слов, или идентификаторов. Можно предположить, что при этом идентификаторы играют доминирующую роль в организации лексического состава языка, являются основным инструментом формирования полей, в то время как лексические значения служат преимущественно средством для определения этих ядерных элементов. Важным обстоятельством является также и то, что функционируют они не автономно, а в тесном взаимодействии между собой» [8, с. 39]. Определение списка идентификаторов и его последовательное включение в общую иерархию

семантом означает обеспечение не простого словарного «входа» системы, а включение в себя его отношения со всем словарем и со структурой понятий.

По мнению Ю. Н. Караулова, в разделе идеографических моделей «Человек» наименее разработанным является синоптический узел «Социальные институты» [4, с. 33-38], поэтому описание данного фрагмента Словаря является наиболее важным не только при исследовании ядерной лексики, но в общетеоретическом плане – определении содержательных закономерностей строения языка на метауровне. Ф. С. Бациевич и Т. А. Космеда в работе «Очерки по функциональной лексикологии» (1997) исследуют часть названного лексического класса – агентивные имена морально-этической оценки, понимая агентивные имена (персонификативы), «во-первых, как имена, называющие того, кто производит действие, во-вторых, имена, называющие «деятели», который обладает конкретной качественной характеристикой и является носителем «свойств или признаков» [1, с. 210]. Создатели «Русского семантического словаря» (под общей редакцией акад. Н. Ю. Шведовой) понимают под «лицом» достаточно широкий пласт лексики, так, его можно перечислить в следующих подмножествах:

- 1) по отношению к расе, национальности, а также к территории, к месту жительства, по местонахождению;
- 2) по интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению;
- 3) по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям;
- 4) по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениям;
- 5) по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию.

В нашем понимании, «лицо как человек в социуме», охватывает третье и четвертое множества.

Поскольку за основу лексического ядра часто берут словари для иностранцев, обратимся к рассмотрению того, отвечает ли указанным выше критериям выделения основной лексики подобные словари (на примере «Краткого толкового словаря (для иностранцев)» (1978). Примечательно, что в словаре присутствует слово, эксплицирующее семантему *артист*, однако отсутствуют гипонимы *актер*, *балерина*, *комедиант* и некоторые другие, характеризующиеся высокой степенью коммуникативной значимости (данные единицы входят в идеографическую часть словаря «Лексическая основа русского языка» (2004) [5]) (равно как и *фотоаппарат*, *фотографировать*, *фотография*, – но отсутствие слова *фотограф*; как *бокс*, – но отсутствие слова *боксер* и т. п.). Другой пример из «Русского семантического словаря». В лексическом древе № 14 в рубрике «Члены партий, сторонники, последователи общественных, политических, идеологических течений, направлений, движений» присутствует семема *крепостник-2*, толкуемая как «сторонник крепостничества, идеологии сохранения крепостного права», однако в структуре древа нет семемы *сторонник* в рубрике «Общие обозначения» [13]. С нашей точки зрения, это результат того, что за единицу Словаря принята не семантема, а семема. В результате мы получаем богатый материал, массивы семем, классифицированные по тематическим рубрикам, но преимущественно не поддающиеся системной формализации.

Л. А. Новиков отмечал, что лексическая система «как бы распадается на относительно самостоятельные, «самоорганизующиеся» функциональные подсистемы, которые определяются типовыми (тематическими ограниченными) ситуациями» [9, с. 413]; при этом важно понимать, что как коммуникативная значимость единиц, предназначенных выражать элементы типовых ситуаций, так и системный статус семантем (степень принадлежности системе, уровень иерархии), – два качества одной сущности, а именно: ядра номинативной подсистемы.

Таким образом, не только статистическая, но и концептуальная параметризация должны стать основными принципами выделения лексического ядра (номинативных элементов подсистемы номинации в функции экспликаторов семантем) в том случае, если цель идеографического описания видится не в классификации слов по семантическим классам, а моделировании фрагмента «картины мира». Представляется необходимым также обращение к более полному словарю русского и украинского языков с тем, чтобы, во-первых, процесс идеографической компрессии материала осуществлялся не только по показателю частотности, но и по показателю концептуальному уже исходя из предварительного списка семем, что позволит избежать появления лакун в модели семантических оппозиций, и, во-вторых, провести описание лексического ядра русского и украинского языков в контрастивном аспекте.

Источники и литература

1. Бациевич Ф. С., Космеда Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов: Свит, 1997. – 392 с.
2. Галуцких И. А. Сопоставительный анализ принципов выделения ядра лексической системы и подходов к его изучению // X Международная конференция по функциональной лингвистике: Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации. Сборник научных докладов. – Ялта: Доля, 2003. – С. 72-74.
3. Звегинцев В. А. Что происходит в советской науке о языке // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания / Под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 2001. – 576 с.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
5. Комплексный учебный словарь: Лексическая основа русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Гранзиткнига», 2004. – 872 с.
6. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике. – М.: Наука, 1980. – 160 с.
7. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – К.: Знання, 2004. – 326 с.
8. Новиков А. И., Ярославцева Е. И. Семантические расстояния в языке и тексте. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
9. Новиков Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.
10. Розанова В. В. Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев). – М.: Русский язык, 1978. – 227 с.
11. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
12. Рудяков А. Н. Функциональная семантика. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998.
14. Селванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля – К., 2006. – 716 с.